

M A X D J E E N

S E P T E M B E R
A N A T O M Y O F M A D N E S S

Max Djeen
September. Anatomy of madness

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27810385

ISBN 9785449005519

Аннотация

Книга, которая раскрывает безумие с совершенно новой, никогда до этого нераскрытой, стороны. Каждый из нас немного безумен, верно?

Содержание

От автора к читателю	5
Пролог	10
... – Пошли – согреешься, – продолжал он – Ты всю ночь пролежал на мраморной плите, думаю, тебе не помешает...	15
...в одночасье смех сменился тишиной, а еще мгновение спустя, тишина уступила повторяющемуся слову «люблю», которое словно мой пульс учащалось и плавно затихало... Вот теперь то – свободен...	23
...я марионетка – труп, подвешенный за струны своего горя...	30
...началась посадка на мой поезд. Я двинулся навстречу своей свободе...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

September

Anatomy of madness

Max Djeen

© Max Djeen, 2017

ISBN 978-5-4490-0551-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора к читателю

Здравствуй, мой дорогой читатель!

Возможно ты ждал эту книгу, возможно просто слышал о ее существовании, возможно нашел ее среди других пыльных книг на полочке у своего друга или подруге. Это не важно. Важно то, что ты сейчас держишь ее в руках. Это уже моя маленькая победа. Ведь в эту книгу я вложил душу и всего себя. С небольшой долей надежды, что она проберется в твое сердце и займет там нишу одной из любимейших книг.

Я знаю, что в наше время чтение книг считается несколько не модным и устаревшим, но не смотря на это, все же история преподнесена именно в форме книги. Ведь именно при чтении мы можем до самого конца погрузиться в тот мир в который гостеприимно приглашает нас автор.

К сожалению (или к счастью) книга не получилась веселой и задорной. В ней практически нет шуток и юмора, но в глубине души – уверен, что прочитав ее от корки до корки тебе захочется перечитывать ее снова и снова. С каждым новым разом находя в ней все новые и новые детали. Влюбляясь в нее все больше и больше.

Книга описывает тяжелое состояние безумия на фоне тяжелейшего жизненного потрясения. Весь кошмар такой ситуации я старался передать максимально красочно и правдо-

подобно. Некоторые сцены могут показаться Вам страшными, а может даже чрезмерно жутковатыми, но таковы жестокие реалии безумия... По крайней мере в моем понимании.

Так же хотелось бы сказать тебе, дорогой мой читатель, что книга не претендует на звание «научно-достоверной». Все симптомы галлюцинации, да и в целом психо-эмоциональное состояние главного героя – это чистой воды полет моей фантазии опертой на небольшой процент знаний психологии.

Важно!

Если вы психолог, пытающийся найти в сюжете или словах героя пороки самого автора сего труда, то советую отложить эту книгу до лучших времен, ибо вы попросту не поймете главного послания занесенного в строки «Сентября». Вам будет мешать совсем ненужный и неуместный здесь анализ текста. Главнейшей составляющей в получении удовольствия от прочтения книги является полное погружение в мир главного героя, проникновение в его мысли и чувства.

Важнейшей «миссией» же самой книги является, попытка донести к читающему, весь ужас и, в то же время, весь красочный мир, который герой встретит на пути к своему просвещению; попытаться вместе с героем ответить на вопрос «чем же является реальность?»... Учитывая, что главной загадкой при этом останется именно этот вопрос.

«Сентябрь» повествует о большой трагедии маленького человека, о глобальном масштабе локального горя, позво-

лит понять чувства любого человека прошедшего через ад потерь. Несмиренность в бесконечных попытках смирится с тем, чего, увы – не изменить. О загадках, которые привели к таким невеселым поворотам. Книга предложит Вам множество выборов: понять главного героя или осудить; сочувствовать ему, или же ненавидеть; понимать поступки окружающих, становясь на их место, или отвергать мнение общества, обвинив его в элементарнейшей глупости. Все как в жизни!

Стоит проникнуться внутренним миром и понять каждый поворот событий. Только тогда, Вас ожидает то просвещение, к которому придет главный герой (надеюсь, что вместе с Вами)...

«Сентябрь. Анатомия Безумия», претендует занять место Вашей любимейшей и самой запомнившейся книги, по мере прочтения которой Вам откроются совершенно неизведанные стороны личности, которую Вы до момента прочтения считали своей...

А сейчас, я приглашаю Тебя, мой дорогой читатель, в мир иллюзий и неясностей... Добро пожаловать в мир Сентября!
Приятного чтения!

Эту книгу я посвящаю Светлой Памяти своей Матери. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ И ПОМНЮ...

Твой сын

Психопатия (от психо – душа, и греч. páthos – болезнь, страдание) – патологические характеры, психопатические конституции, группа психических болезней, относящихся к так называемой малой, или пограничной, психиатрии, проявляющихся дисгармоничным складом личности, от которого страдают или сами больные, или общество. Чёткая грань между психопатией и вариантами «нормальных» характеров отсутствует. Отнесение психопатии к психическим заболеваниям условно, т. к., в отличие от болезней, имеющих закономерное развитие (возникновение, течение, исход), психопатия стабильна, присуща человеку в течение всей жизни (хотя степень выраженности патологических черт характера может колебаться) и обычно не сопровождается симптомами резких нарушений психической деятельности (бред, галлюцинации и др.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ – <http://www.galactic.org.ua>

Параноидальная шизофрeния – один из типов шизофрeнии, характеризующийся доминированием галлюцинаций и (или) бреда, при этом разорванность речи, ослабление эмоциональных реакций могут присутствовать в лёгкой форме, но не являются основными в клинической картине. Параноидный тип шизофрeнии – наиболее часто встречающийся. Особенность этого типа – обязательное наличие бреда разных типов.

В. Н. Краснов. Шизофрeния. Диагностика шизофрeнии //

Психиатрия: национальное руководство / под ред. Т. Б. Дмитриевой, В. Н. Краснова, Н. Г. Незнанова, В. Я. Семке, А. С. Тиганова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011.

Пролог

«Просыпайся!» – прошептал Мир, улыбаясь мне лучиком солнца в замызганное городской копотью окно. Нет причин, чтобы не продолжать существование. И правда – пора бы...

Кофе этим утром пахло как-то по-особенному приятно, как бы давая понять – эй, человек, пора бежать дальше. И все бы хорошо, но только вот почему-то душу травят мысли напоминающие о бесконечном и уже успевшем затянуться одиночестве. Сентябрь...

Вышел на улицу. Я слышу, как птицы напевают уже затертую до дыр свою классику, пусть поют – это не для меня. Любимая песня в плеере, нотки которой раньше казались мне бальзамом, сегодня напоминала скрип старой обшарпанной двери в морге. Странно, но я четко знаю, как выглядит та дверь... Деваться некуда, придется слушать этот, до жути знакомый скрип, до ужаса знакомой двери.

Прогуливаясь по улице, можно было видеть вечно опаздывающих куда-то пиджачков; молодых матерей с проблесками счастья на лицах; незрелых обывателей, ищущих новой дозы яда; страшных людей в форме – служителей закона; повидавших многое сторбленных от возраста мудрецов. Разными людьми кишат улицы: важными персонажами и не совсем, уставшими и бодрыми, грустными и веселыми, но всех их объединяет одно – они все куда то спешат. И в этой кло-

кочущей и бурлящей каше из людей я казался белой вороной, ведь мне больше не было куда спешить...

Присел. Под ноги упал пожелтевший кленовый лист. Также как и в тот зловещный день. Сегодня, ровно год с того момента, когда я последний раз слышал всхлипы в телефонной трубке и постоянные, но неуверенные призывы держаться. Сегодня ровно год, как я осознал, что ярких красок в мире для меня больше не осталось...

Скрип в ушах стал просто невозможным, душа молила о покое. Мне резко захотелось вернуться домой. Ступив на порог, очень закололо в груди, а по голове словно прошелся слон – ели устоял на ногах...

– И это пройдет... – Люблю повторять эту фразу, люблю ее повторять, зная, что ничего не изменится. Судьбой предначертано мне быть Прометеем, которому изо дня в день старый потрепанный ворон, исклевывает душу. И так каждый раз, возвращаясь домой, я слышу это назойливое карканье, я бы, наверное, даже удивился, если бы однажды не услышал его... Вы наверное заждались. Ну, приступайте, господин, а то уж не по себе как то.

...не могу больше терпеть... Вот он мой, снег, который охладит, ожег на сердце. Белая пыль в мои уставшие от слез глаза. Знаю-знаю, осенью снега нет, но это же моя жизнь, а в ней бывает всякое. Картины в которые трудно верилось до этого стали теперь моим серым бытом. Глубокий вдох... Полетели!

Это другой мир, в нем я становлюсь неуловимой тенью, проходя сквозь стены. Во мне рождается тихое спокойствие и жгучая агрессия... В нем я умею летать, хотя давно уже не ребенок и почти месяц нормально не сплю... Неподдельные чудеса! Я могу оказаться там, где только захочу, но почему то тянет меня в места, где пахнет смертью, где даже воздух пропитан слезами, а лица которые там встретишь никогда не озарятся улыбкой. Ведь здесь хранится память о тех, людях, которые казалось бы совсем недавно представлялись мне смыслом бесполезного существования. Здесь бродят много душ, безустанно ищущих потерянный навек покой. И вот сейчас, когда у меня за спиной крылья, а в душе нет никаких ран, я могу говорить с ними. Вот оно то место... Здесь умерли все мои надежды на беспечную счастливую жизнь. То лицо на мраморной плите до боли похоже на человека, которого я даже не знал... Верней, не успел узнать. Мой сын... А ведь ты даже не успел познать и малой части этого яркого света, как твои маленькие глазки сомкнулись и преисподняя уже встречала тебя тьмой. Господи! Как это вообще возможно пережить?

...Простите, система выдает неудовлетворительный ответ, на запрос. Код ошибки 666: Некорректный запрос. Введите запрос заново и повторите попытку...

Ну да, конечно. Что бы ты еще мне ответил.

Вся моя жизнь является ответом на этот, казалось бы риторический вопрос.

Твое лицо с плиты освещает всех посетителей улыбкой, искренней улыбкой, без фальши и злорадства. Помню, как ты смеялся, когда я делал этот снимок, с отчаянных попыток мамы рассмешить тебя. Да-да, я помню твой смех, и сейчас я бы с радостью посмеялся бы вместе с тобой, если бы так не кололо где-то там в груди... Но ты не переживай, мы еще посмеемся.

Рядом с моим сыном покоится моя жена, моя любимая Ким...

В ту злосчастную осень, ее нервы не выдержали увесистых ударов судьбы, она перестала слышать мой голос, она более не желала умиротворения. Все мои попытки убедить ее жить дальше, оказывались тщетными, ведь я сам не верил в свои слова. И вот, однажды, придя домой, я увидел свою жизнь лежащую на полу в алом озере из крови... «Ничего не вернуть, ничего не поменять. Принимай этот факт» – шептала мне судьба.

Пуля вошедшая в между ее ангельских глаз, нарисовала на белой стене нашей спальни, картину в стиле абстрактного экспрессионизма. С меланхолическими потеками и разводами. Может это смешно, но я не стал отмывать следы этого «творчества». Пусть напоминают мне – ничего не вернуть, ничего не поменять... Хотя я и сам это знаю...

И вот Вы здесь, лежите рядышком, мило улыбаетесь мне, а я улыбаюсь вам, и не смоют эту мою улыбку реки истоками которых являются мои глаза. Нет, им не под силу. Мне

больше ничего не испортит настроения. Ведь трудно разрушить дом, в который до того случайно угодили ядерной беголовкой.

А может вы никогда не умирали? А может быть это мое тело лежит под этой плитой, а душа ходит по кладбищу где похоронены ее близкие, и это место стало для нее сущим адом, в котором она медленно горит на костре из страданий и чувства бесконечной вины за смерти близких...

Холодный сентябрь год спустя. Город лениво отпустив летнюю жару, вдоволь дышит прохладой и свежестью осенних дождей. Осень рисует на листьях, палитрой со всеми оттенками красного. Небо тяжелеет свинцовым грузом будущих бесконечных осадков. Когда-то я любил сентябрь, это – то необычайно странное время, когда погода еще не определилась со своим поведением и она, то улыбнется солнышком, то ударится в истерику длинных дождливых недель. И ты сам того не понимая – берешь пример с нее и подражаешь ей. Но сейчас все не так – я возненавидел сентябрьскую свежесть, как и осень... Да собственно, как и всю свою жизнь.

**... – Пошли – согреешься, –
продолжал он – Ты всю ночь
пролежал на мраморной плите,
думаю, тебе не помешает...**

У меня сложилось такое ощущение, как будто бы я проспал полвека. Проснулся от плеснувшей мне, прям в лицо, холодной, как лед воды. Судя по всему когда осенний снег перестал заживлять мои раны, меня скосило беспробудным сном. Или же я попросту потерял сознание. Но будучи в «том» мире, ноги занесли меня далеко от дома. И вот я здесь, среди крестов покосившихся от времени и надгробий, напоминающих спины неестественно больших жуков. Мне, впервые за этот год, стало не по себе. Ведь не каждый день можно отключиться и очутиться на кладбище. Это не совсем весело, даже взяв во внимание факт остро развивающегося во мне цинизма и безразличия ко всему происходящему вокруг. Я начал осматриваться и понял, что нахожусь под козырьком какой-то беседки. Реальность вернулась в сознание ударами обшарпанной ладони о мое лицо. Подняв тяжелую голову, я увидел человека походившего на средневекового мудреца, который засиделся в отпуске.

Увидев, что сознание вернулось ко мне, он резко произ-

нес.

– Вставай, герой! А то я уж подумал, что ты помер.

– Лучше бы так и было – подумал я, поднимаясь.

Его борода своей замысловатой формой напоминала лопату, которая стояла неподалеку от беседки, где мы находились. Все намекало на род его деятельности. Словно во сне.

– Пошли, согреешься, – продолжал он – Ты всю ночь пролежал на мраморной плите, думаю, тебе не помешает.

Как меня сюда занесло? Кто он? Смотря на его потертую одежду и совершенно запущенный внешний вид, я сделал вывод, что он, простой бездомный, который живет на кладбище. Что скорее всего эта беседка и есть его жилищем, в котором я оказался не совсем желанным гостем.

– У меня тут небольшая комнатка, – настойчиво продолжал он – я могу напоить тебя чаем, а потом пойдешь... Тебе ведь есть куда идти?.

Я молчал и смотрел на его бороду, которая не просто напоминала, а уже казалась мне лопатой. Не дожидаясь моего ответа, он вышел из беседки, вынул торчащую из свежевскопанной могилы свой профессиональный инструмент и пошел по узенькой тропинке меж надгробных плит. Я не понимал, что происходит, но, словно маленький ребенок за отцом, покорно последовал за ним. Он был сторбленным и немного хромым. Походка напоминала танец человека, который немного перебрал пытается станцевать под лаунж.

– Здесь не далеко – вдруг заговорил он. Но мне было

не до его слов. Меня привлекла и даже немного развлекла надпись на его старой, как и он сам куртке: «Just do it!». Отличный слоган для живущего на кладбище старого гробовщика. Видимо следуя этим простым словам, он пользуется недурным спросом у своих клиентов. Хотя, по его виду этого конечно не скажешь. Я незаметно улыбнулся.

Жилище его полностью соответствовало внешнему виду старика. Словно карточный домик, его хижина состояла из составленных, и опертых на вбитые в землю деревянные палки, огромных ржавых листов железа. Через щель в двери, присмотревшись, можно было изучить начинку этого жилища. Как бы это ни было парадоксально, но внутри было достаточно уютно. Земля была всюду застелена коврами поверх больших дубовых досок. Теплые оттенки ковров, создавали некое подобие домашнего уюта. В углу стояло некое подобие книжной полки, полностью забитое книгами. Конечно «книжная полка» – это слишком громкое название для того, что ею служило. Это была незамысловатая конструкция – на двух вертикально поставленных кирпичях лежала деревянная тонкая плитка, на ней еще два кирпича, также накрыты доской, и так на целых шесть этажей. Судя по всему, старик любил читать. Корешки книг были настолько затасканными и потертыми, что прочитать хотя бы одно слово целиком, даже при должном усилии было сложновато. На самом верху «шкафа» стояла фотография, на ней была запечатлена семья. Еще молодой гробовщик и, судя по всему, его

жена с дочерью. Внизу снимка каллиграфическим почерком было написано: «Любимому Тому от любящей жены Эммы и дочери... С приветом из Лондона» Имя дочери скрывала рамка.

«Теперь я знаю его имя...»

На так называемых стенах, висели картины, судя по всему, найденные беднягой где-то на помойке, но как не крути, все же, они отыгрывали свою немаловажную роль для создания общего уюта. Рассматривая их, я вдруг поймал себя на мысли, что за все время нашего с ним знакомства я до сих пор не сказал ни слова. В этот момент мне стало неловко, ведь он, судя по всему, тащил меня на себе, что бы я не замерз насмерть, а я даже не соизволил элементарно поблагодарить его. Что бы как-то исправится я, словно великий ценитель искусства промямлил:

– Отличная... – Ком в горле от продолжительного молчания заставил меня запнуться.

– Что? Повтори... – Хриплым голосом переспросил он.

– Отличная, говорю, у Вас картина! Вы обладаете очень тонким вкусом. – Таким же тонким как мой голос, когда я произносил эту фразу.

Он с неким подозрением строго посмотрел прямо мне в глаза. На секунду стало даже не по себе от такого, но потом он несколько «смягчив» линии лица пояснил.

– Она просто закрывает дыру в стене. Садись – он показал, на матрац, лежащий на земле.

Осознавая, насколько глупо выгляжу, я послушно выполнил его приказ. Все это время, пока я оценивал его жилье, он крутился у некоего подобия газовой плитки. Постоянно грочоча металлической посудой.

– На выпей – это согреет, – он протянул алюминиевую кружку. Я почувствовал запах корицы.

– Это глинтвейн, пей пока горячий. – забота с которой он выговорил последнюю фразу, скорее напоминала сюжеты из триллеров, где маньяки, запершие своих жертв в подвалах иногда приносили им еду и воду, что бы последние не умерли с голоду.

Я не мог в это поверить, но вкус напитка был идентичен вкусу напитка, который делала моя Ким... Я замолчал. Даже мелкие намеки на хорошее настроение или капельку позитива растворились в горячем вине. Боль наполнила мое сердце и хлопала через края, подобно глинтвейну из кружки со смятыми бортиками. Этот запах, этот вкус... Старик что-то говорил мне, но уже его не слышал, я сидел на берегу озера...

Была прохладная ночь. Она достала из рюкзака термос и попросила закрыть глаза. Я почувствовал, как Ким поднесла к моим губам чашку

– Пей – нежным голосом произнесла она.

Чувствую как ее губы приближаются к моим. Чувствую, как от них пахнет корицей и вином. Она целует меня... Ее губы медленно плывут к моему уху

– Я хочу от тебя сына...

... – Эй, парень! Что это с тобой? – голос старика ворвался в мой теплый мир воспоминаний...

– Да, простите, видимо я перемерз сегодня ночью. – оправдываясь произнес я.

Пока я был в том мире, на улице успело стемнеть, и старик зажег несколько свечей, в их свете я наконец-то обратил внимание и рассмотрел его лицо. Как оказалось у него на лбу нашел себе место шрам, очень похожий на четырехконечную звезду. Я не стал спрашивать откуда он. Но при этом, слушая рассказ о его невеселой работенке, просто не мог отвести глаз от этого увечья на его лице.

– Тот мальчонка, на чьей могиле ты лежал, ты знал его? – он из подлобья пронзительно посмотрел на меня.

Словно воткнув два пальца в розетку, меня с ног до головы пробрало морозом. Но я нашел силы ответить.

– Это... Это мой... – боль пролилась на все тело – Это мой сын – выпалил я, закрыв при этом глаза.

– Ох, ну прости парень, я не хотел сделать тебе больно. – он по-отечески похлопал меня по плечу.

Он опустил голову, в его глазах читалась захлестывающая волна печали. Немного помолчав, старик поднялся с места, отошел к двери и, опершись на стену рукой, не поднимая головы заговорил.

– У меня когда-то тоже был ребенок, но... Но она со своей матерью погибла в авиакатастрофе, когда они возвраща-

лись от ее родителей из Лондона. Их самолет упал в Атлантический океан – никто не выжил. Ходят слухи, что несколько человек все же удалось спасти, но среди них не было моей жены... – В его голосе было больше горечи чем, в самой горькой на свете правде.

– Потому, я знаю... Я знаю как это... – после небольшой паузы, добавил он

– А девочка? – перебил я – Девочку спасли?

– Нет, среди тел погибших не было и половины летевших в самолете... Ни жены, ни дочери... – Старик помрачнел еще больше, чем прежде.

– Соболезную... Это грустно. – мне хотелось рассказать ему о своей истории, но он продолжал

– Узнав о катастрофе, я впал в траур. И я даже не заметил, как он превратился в шестимесячный алкогольно-наркотический сон, а когда проснулся у меня уже не было ни дома, ни имущества, ни будущего... И семьи, тоже не было – запнувшись добавил он. – Моя жизнь будучи счастливой и прекрасной, вдруг стала холодной и бессмысленной.

Я не стал говорить ничего, ведь как никто понимал всю горечь этой ситуации. Мы просто молчали и смотрели, как догорает свеча.

– Думаю, мне пора – нарушил я тишину.

– Куда? Ночь на дворе. Оставайся. – явно не без доли удивления в голосе, выронил старик.

Мне нечего было сказать ему. Я видел, что у него явно

давно не было гостей, да и просто собеседников тоже. Потому, я согласно кивнул ему в ответ, показывая, что он прав и эта моя идея действительно глупа.

Спустя час Тома одолела усталость и он тихо и незаметно уснул.

Столько мыслей навеяла на меня рассказанная им история. Странно, но как бы ни была хороша наша жизнь ее всегда в самый неожиданные и неподходящий момент может подловить в свои сети горе. Он сломался...

Немного посидев, я допил уже остывший целебный напиток, тихо встал, надел свою куртку, и оставил ему сто долларов с надписью «спасибо!»...

Надеюсь, он не обидится.

**...в одночасье смех сменился
тишиной, а еще мгновение
спустя, тишина уступила
повторяющемуся слову «люблю»,
которое словно мой пульс
учащалось и плавно затихало...
Вот теперь то – свободен...**

...в квартире, по-прежнему, было темно. Я не знаю какой час, но видимо до утра еще долго. Голова гудела, как переполненная людьми улица огромного мегаполиса... Кажется это последствия глинтвейна. Чувствую привкус корицы на губах... Словно длинная игла вновь поразила мой мозг. Снова боль... Ноет и не дает ни секунды такого необходимого покоя. Этот привкус на ее губах, ее слова «хочу от тебя сына»... Как в тумане, я медленно плыл к нашей спальне. Как жаждущий в пустыне ползет к оазису – я полз к обители своей неутолимой боли. Лишь одно лекарство мне ведомо – пыль заключенная в прозрачные гибкие стены... У меня вырастают крылья. Я вновь лечу...

...на высоте сотого этажа неизвестный мне силуэт обнимающая меня за плечо медленно подвел меня к краю крыши.

– Господи, как же здесь красиво – прошептал я.

Внизу словно длинная змея из огоньков красных, белых, оранжевых, желтых ползала огромными лондонскими улицами, городская жизнь. В голове разгорелось желание рассмотреть лицо незнакомца, но я оказался сильнее секундной прихоти... Город с высоты птичьего полета привлекал меня куда больше. Голосами сигналов машин и криков людей, эта ползающая тварь общалась с, уставшим от копоти, асфальтом. Я слышал хриплое дыхание по правое плечо от себя. Я чувствовал запах тела, который был мне знаком, и запах этот был смешан с затхлым запахом могильной ямы... Я повернул голову и... С дьявольской силой рука еще секунду назад лежавшая на моем плече столкнула мое тело с высоты десятка десятков этажей. В этот момент, предо мной не проносились картинки из бездарно прожитой мною жизни, а виделись мне лишь демоны, которые громко смеялись, приговаривая – Ничего не вернуть, ничего не поменять, глупец! – Я смотрел в их горящие ярким пламенем глаза и сам того не осознавая понимал – Они правы...

Еще секунда и я уже чувствовал жаркое дыхание адских огней в мою спину и затылок, но... Упал я не на твердые гранитные плиты входа в Вест Энд Тауэр, а на свою теплую и мягкую постель. От только что пережитого шока я не мог пошевелиться. Словно упавшая статуя, я лежал без возможности даже вдохнуть. Мой взор был направлен на стену с чудесной картиной из крови Ким. Волей не волей, я на-

чал снова чувствовать в сердце болезненные покаявания моих невеселых воспоминаний... Боль медленно перетекала в сон... Я молюсь. Молюсь о том, что бы этот мой сон вознаграждался вечностью, и земная жизнь пересекла финишную линию. Но, видимо, у небес были другие планы.

...из тоненькой линии разреза глаз, реальность приняла свой прежний облик. Я спал? Я дома? Жив я или умер?

«Система выдает неудовлетворительный ответ. Приносим свои извинения за технические неполадки»

Ах, да, как же я мог забыть... – иронически улыбаясь произнес я вслух.

И вдруг эхо рассеялось по комнате, стены в один момент стали менять свой цвет – из белого в серый из серого в красный. Они становились все ближе ко мне. И чем ближе они продвигались, тем отчетливей я слышал нежный и родной мне голос:

– Я люблю тебя, слышишь? Никогда тебя не оставлю и на небе и на земле...

Когда я расслышал слова, мою душу поразило едкой кислотой ненависти. Я не мог ответить, мое парализованное тело неподвижно и неизменно лежало на кровати, а сознание словно пыталось выбраться, стуча ударами пульса о виски моей головы. Это причиняло невероятной силы боль.

Неожиданно из меня вырвался громкий, словно удар грома, вопль:

– Ненавижу! Ненавижу тебя! Лучше бы я никогда не встречал тебя! Ненавижу тебя...

Эхо больше не разносилось по комнате, она снова приняла прежнюю форму и цвет. Звук голоса утих. Пульс в голове, наконец перестал барабанить. Чувствую, как вновь начинаю владеть своим телом. Я посмотрел на укрытое занавесками окно. Через небольшую щель пробирался, будто пытаюсь остаться незамеченным, лучик восходящего солнца... Он освещая комнату, словно освещал мое сознание. И стоило мне только подумать, что сон подходит к концу, как тихий женский плач нарушил могильную тишину. Мурашки армией прошлись по спине. От окна мой взор украдкой перемещался к источнику этого душераздирающего звука. Очагом слез оказалась стена с оставленной на память экспрессионистской мазней. Сил что-либо говорить не было... Через плач удалось услышать все тот же родной голос:

– А я ведь все еще люблю тебя...

В этот момент, я понял, что вызвало, этот неумолимый плач. Через пересохшие от жажды и страха губы, я еле слышно попытался произнести:

– Прости мен...

Но договорить, мне помешала капелька алой жидкости вытекшая из одного из краев красного развода... Волна холода покрыла все мое тело ужасом. Еще через мгновение

уже вся картина истекала кровью... Плачь медленно набирал обороты истерического и вместе с ним – кровь со стены, не отставая, усиливала напор. Слышу треск в стене. Вижу, как медленно опадает белая обивка, тут же принимая кровавый окрас. Очертания алой картины уже не были заметны, ведь кровавый поток, уже со звериной агрессией проламывал дыру в стене и поток все набирал и набирал силы. Плач становился просто невыносимым для слуха, он напоминал уже скорей не плачь, а дикий крик, временами обрывающий дьявольский истерический смех... И вдруг стена, не выдержав давления, проломилась под натиском смеха, плача и крови, выпустив в мою комнату невероятное количество красной жидкости. Кровать ускользнула из-под меня, как обожженная лошадь из-под всадника и я с головой плюхнулся в этот свежееобразовавшийся бассейн. Лежа на полу, я наблюдал, как комната стремительно наполнялась... Уровень уже подступал к потолку, и я барахтался в нем словно младенец, которого учат плавать маленькой ванной. Тем временем истерический шум набрал просто таки демонической силы, и каждый взрыв адского хохота потрясал целую комнату. С потолка и незатопленных кровью частей стен осыпались остатки декора. Барахтаться не имело смысла, так как голова моя уже была прочно уперта в потолок. Кровь, не останавливаясь, заполняла оставшееся пространство и подступила к моим губам, что бы дышать мне приходилось прикасаться губами и носом к потолку. И вдруг мне вдруг стало ясно, что

это то, чего я так долго ждал и сопротивляться не нужно, стоит просто принять эту злую волю неожиданной смерти, и двигаться в том направлении, которое ее разложившаяся от времени рука укажет.

Тут же по телу прошла волна расслабления. Сознание перестало бороться. Губы медленно отрываясь от потолка исчезали в алом тягучем волокне из остатков моего рассудка. Но сам того не ожидая, я почувствовал на губах теплый и такой знакомый мне вкус красного вина с корицей. Меня словно электрошоком вернули к жизни, мой пульс взмыл тонущее тело обратно к поверхности, которой оставалось пара сантиметров, я вновь прикасаясь губами к потолку прокричал

– Я не могу тебя ненавидеть! Я люблю тебя... – захлебываясь любимым напитком, kloкочущим голосом добавил – Хоть и невозможно, что бы живой любил мертвую...

В одночасье смех сменился тишиной, а еще мгновение спустя, тишина уступила повторяющемуся слову «люблю», которое словно мой пульс учащалось и плавно затихало... Вот теперь то – свободен.

Только я закрыл глаза, что бы покорно принять дар госпожи Судьбы, как оконное стекло с неестественно громким стеклянным воплем и треском деревянной оконной рамы треснуло под силой давления, и забитая под потолок кровью комната в миг опустела. Волной вытолкнуло и меня. Смешно – за такой короткий период времени я падал уже дважды,

а ведь мне это уже давно знакомо...

...я марионетка – труп, подвешенный за струны своего горя...

Коридор, свет в комнате... Рассыпанная пыль. Кажется – это все было просто очередным наркотическим кошмаром. Кажется, что все мои попытки раздавить, уничтожить, размазать свой рассудок по толстым стенам едкой как кислота памяти оказываются бесполезными. С каждой прожитой секундой становилось ясным только одно – дальше так нельзя...

Когда последние крошки земли прижали тела моих близких ко дну холодной ямы – ты поселилась во мне. Грязная беспринципная тварь. Ты хорошо обустроилась в моей голове, со временем заполнив каждый, даже самый незначительный уголок моей истерзанной души. Осознавая всю полноту и могучесть своей власти, ты больше не церемонилась со мной, и при первой выпавшей возможности, со смехом приставила пистолет к моему виску. Твоя мерзкая сущность изволила называть меня своим заложником – рабом. Ты уже четко осознавала, что я марионетка – труп, подвешенный за струны своего горя, но ты не собиралась останавливать этот безумный поток... Видимо бесконечное обилие вдохновения являлось тебе, когда твою больную фантазию посеща-

ла еще одна «гениальная» идея очередного адского произведения твоего извращенного искусства. Так тянулись бесконечные секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы...

И вот он сентябрь, год спустя. Я уже не просто твой заложник, я... Я подобие существа, до сих пор живущего, боящегося уйти, потому что, ты породила во мне болезненную зависимость к тебе. Теперь, когда ты на время засыпаешь, мне страшно сделать даже шаг, что бы не разбудить тебя звоном своих рабских кандалов. Я уже знаю как тебя зовут, я знаю, как ты поведешь себя при любой моей попытке сбежать...

Проклятая Боль! Хватит! Остановись! Прошу...

Я выхаркиваю эти слова чаще чем дышит умирающий на войне солдат. Но в ответ слышится лишь дьявольский смех разбалованной суки. Пресмыкаясь, ползая на коленях по пустыне неверных решений, я ищу выход, и поиски чаще проводят в меня новый храм очередной необдуманной, небрежно кинутой фразы. Выход из этого заточения для меня остается неким оазисом воспетым неизвестным писателем моей безумной жизни... Господи, если ты есть – оплати мне билет туда, где не живет это наказание...

...началась посадка на мой поезд. Я двинулся навстречу своей свободе...

Собрав некоторые вещи, документы и последние деньги. Я покинул очаг, скопивший свои самые неприятные воспоминания. Сомнений не было – я должен был покинуть это место, не оглядываясь назад, не смотря ни на что. За последний год, еще никогда не ощущалось такой легкости на душе, легкость эту дарила мне новая совсем не знакомая надежда.

Я вышел на улицу, туман в голове несколько развеяло свежим осенним ветерком. На душе я ощутил уже давно позабытое умиротворение. Его приносила мысль, что я наконец увидел выход из лабиринта, на каждом сантиметре которого можно было обнаружить следы моих бесконечных путешествий. И мне ничего не оставалось, как двигаться навстречу своей, такой долгожданной, свободе от боли, от едких частей разрушительной памяти. В калейдоскопе мыслей, которые со свистом зимней метели пролетали в голове, отчетливо была понятна одна: мне явно стоит покинуть этот город.

Улицы тянулись бесконечными, размазанными по окну такси картинами. Прохожие, которых я видел, более не казались мне озлобленными, вечно неуспевающими обывателями. В их глазах, теперь, читалось одобрение всех моих

действий, читалось небезразличие. Каждый из них словно знал меня и все, что произошло в моей жизни. Все эти события невероятно грели мою душу. И с каждым встреченным взглядом моя вера в освобождение только укреплялась и намеренье приобретало новую каплю решительности

Через какое-то время я уже стоял в секторе «С» центрального вокзала, с билетом который купил у перекупщика, (не успев сказать и слова, как он протянул мне билет) я взял его не глядя, я не хотел знать куда увезет меня поезд, главное, что бы подальше. Знал я только время отправления 13:13 и номер рейса...

Приятный голос объявил, что началась посадка на мой поезд. Я двинулся навстречу своей свободе. Каждый шаг, словно снимал одну из бед, обрушенную на мои плечи... Шаг – тревога, еще шаг – спокойствие; Шаг – воспоминания, еще шаг и их уже нет, будто никогда и не было... И вот он, железный путь в новую жизнь. На входе в вагон меня встретил проводник с до боли знакомым мне лицом, но я не стал вглядываться него, а просто молча показал ему билет и вошел в вагон. Усевшись в мягкое, удобное кресло я тут же уснул...

Я не знал сколько времени я проспал, но мне казалось, что целую вечность. И уж точно мы уже должны были добраться до пункта назначения. От сна меня избавило навязчивое качание моего плеча чьей-то сильной рукой. Открыв глаза, я увидел проводника, которому какое-то время назад я бес-

печно показал билет.

– Сер, мне кажется, что вы не показывали мне ваш проездной документ – не отпуская мое плечо говорил он – это простая формальность.

В знак согласия я кивнул и принялся шарить по карманам в поисках билета. Фух... Во внутреннем кармане своей куртки я все таки нащупал его... Даже не убеждаясь в правильности своей находки я смотря в окно молча протянул ему листик. В душу медленно возвращалось спокойствие и умиротворение, которое продлилось ровно пару секунд... Его обрывали слова проводника

– Сер, вероятно вы ошиблись – Но это не билет...

Я поднял округлившись от удивления глаза на него, и действительно у него в руке был вовсе не билет, а клочок бумаги по форме напоминающий сто долларовую купюру. Я судорожно стал рыскать по карманам, но они были пусты... Я понимал, что со мной происходит что-то ненормальное... Женщина сидящая напротив меня, смотря на меня жалостливо покачала головой, затем поднялась с места и куда-то пошла. Внимание мое вновь вернулось к проводнику. В надежде найти понимание и сочувствие я посмотрел ему в лицо и... В голову медленно влилась новая доза отчаянья, а тело словно только что обожгло раскаленной лавой... Господи, я не мог поверить своим глазам... Передо мною стоял тот самый старик с кладбища, в старой потертой куртке и грязными от земли руками. Ели находя в себе силы что-либо про-

изнести я успел промямлить

– что это все знач... – как он перебил меня, протягивая мне недавно беспечно врученную ему же бумажку

– это кажется ваше. Сто долларова купюра с надписью «спасибо!».

На полном авто управлении, взяв ее я утонул глазами в ее мятых изгибах. На нем, словно на луже, в которую бросили камень, расходились волнообразные чернильные разводы, то успокаиваясь, то волнуясь в новой силой, они плавно перетекали в буквы – буквы – в слова... Проявлялась надпись: «Ничего не вернуть. Ничего не поменять...». Меня словно со всего размаху ударили плетью! Я вскочил со своего места. Но увидев следующую картину не сделал ни шагу, не проронил ни звука. Вагон, который еще мгновенье назад кишел людьми, и гудел, как скотобойня стал абсолютно пустым и в нем царила гробовая тишина. Нарушали ее лишь отдаляющиеся звуки шаркающих о пол шагов гробовщика... Немного придя в себя, я издал вопль

– Э-эй! Кто же ты, черт возьми?! Что происходит?

Эхо растянулось, словно в длинном мраморном коридоре Букингемского дворца. Ответа не последовало. Ели слышными стали хромые шаги моего «старого» знакомого. Я решил не сдаваться – и пошел за ним. Пройдя несколько десятков метров, я вдруг заметил что все еще иду по одному и тому же вагону, посмотрев перед собой, я увидел огромной длинны вагонный коридор. И как бы я не пытался уско-

рять шаг даже сменяя его бегом, я не мог догнать старика. Звуки шагов отдалялись и отдалялись и вскоре стали совсем неслышными. Но им на смену пришли новые звуки – это были звуки дождя и грозы, и в отличие от предыдущих – они приближались и усиливались с каждым шагом. По мере усиления отчетливости звука, на меня начали попадать капельки холодного дождя, но мне этот факт был безразличен, я просто шел на звук. Вагон становился все темней и темней, дождь все сильнее... И вдруг неожиданно мои глаза ослепила вспышка молнии... Яркий-яркий свет... Еще один шаг и от поезда не осталось даже и следа. Ноги стояли на железнодорожном пути. От испуга и непонимания, что же со мной происходит, я стал оглядываться, кричать... Я начал чувствовать холод в руках и ногах. Медленно приходило понимание того, что из этого города, выхода просто не существует. Отчаянье, болью протопталось по сознанию. Ведь побег из этого злополучного города казался мне единственным выходом. Теперь то, я знаю, как последней умирает надежда, и на ее похоронах у меня место в первом ряду. Видимо, я обречен на скитание по этому, проклятому лабиринту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.